

КАК Я ОКАЗАЛСЯ СВИДЕТЕЛЕМ КОНЧИНЫ РОДНОГО ДОМА ИЛИ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АУЛЕНБАХА

(перевод Евгения А. Стюарта, 2015)

Следующий текст является копией отчёта Эрнста Крюгера (Ernst Krüger), который служил до 19 января 1945 года в фолькштурме Ауленбаха (Aulenbach, Aulowöpen, Калиновка). Это единственный известный письменный отчёт о последних часах/днях в Ауленбахе и его окрестностях.

О последних днях Инстербурга уже было написано другими. В связи с этим необходимо написать о сопротивлении, оказанном в Ауленбахе несколькими рассеянными подразделениями вермахта и фолькштурмовцами. Благодаря им окружение города (Инстербурга) было задержано на два дня, что позволило спасти множество жизней и имущества.

Суббота, 13 января 1945. В 6,30 утра каждый инстербуржец, всё ещё остававшийся в городе, услышал мощный ураганный рокот, с которого началось русское наступление на Восточную Пруссию в районе Пиллкаллен-Шталлупёнен. Будучи крестьянином в Эрнствальде (Ernstwalde, ныне не существует) неподалёку от грязевого курорта Вальдфриден (Moorbad Waldfrieden, Фёдоровка, ныне не существует) я только-только вернулся из конюшни домой на завтрак. Внезапно стол и чашки затряслись, так что пролился кофе; дверь и окна задребезжали, а конюшни и амбар задрожали, как это уже было во время взрыва на военных складах в пригороде Кёнигсберга Ротенштайн 10 апреля 1920 года. Бешеные всполохи озаряли восточный горизонт. Сплошной пожар освещал небо. Через два часа (в 8,30) ураганный рокот внезапно прекратился, чтобы через час возобновиться с новой силой. Это продолжалось ещё один час. Опустилась зловещая тишина. Мы ждали какого-либо приказа по телефону, а на наши звонки следовали уклончивые ответы: “Фронт остановился” или “небольшие прорывы устранены”.

Воскресенье, 14 января 1945. Собрание фолькштурма в школе Штреудорфа (Streudorf, ныне не существует). В конце слово взял секретарь (не командир подразделения фолькштурма), учитель Густав Мекшрат (Gustav Mekschrat): “На следующей неделе в Ауловёнене у нас будет объявлена учебная тревога. Вы должны будете собраться как можно быстрее и не забыть свои карабины”.

В последующие дни было тихо. Затем снова стала слышна артиллерийская канонада, которая постепенно становилась всё громче.

Пятница, 19 января 1945. В 3 часа утра я был разбужен пронзительной трелью телефона. Звонил окружной крестьянский руководитель Циенау (Emil Zienau): “В Ауловёнене объявлена тревога для фолькштурма! Буди соседа Шарфеттера (Hermann Scharffetter), пусть запрягает, а после заезжайте за мной”. Через полчаса Германн Шарфеттер подъехал на маленьких охотничьих санях, запряжённых двумя племенными тракененскими кобылами. Мы застали Эмиля Циенау за упаковыванием шпика, колбасы, хлеба и прочих продуктов в гигантских размеров рюкзак. На мой удивлённый вопрос, зачем он всё это собирает, ведь тренировка не продлится долго, он ответил: “Возможно всё обстоит гораздо серьезнее”. Когда же мы захотели вернуться, чтобы также запастись необходимым пайком, Циенау сказал: “В этом нет необходимости. У меня в рюкзаке есть всё необходимое для нас троих”.

Около 6 утра мы, закутавшиеся в дорожные меха, приехали в Ауловёнен. Незнакомый человек указал нам в темноте на пункт сбора на постоялом дворе Клейнке (Kleinke), где на охапке соломы уже лежало три человека. Связной доставил нам приказ занять позицию на линии река Инстер-Куршский залив (Inster-Haff) около Оссафюрта (Ossafurt) (в 6 км к востоку). Когда примерно к 7

утра набралась группа из 8 человек, мы тронулись в путь. Все были уверены, что проводится операция “Вознесение” по устранению прорыва фронта. Я помню тех товарищей, которые шли вместе со мной. Это были Паугстат (Paugstat), Густав Укат (Gustav Ukat) и Франц Баумгарт (Franz Baumgart). Наш окружной крестьянский руководитель (Циенау) был отправлен назад организовывать эвакуацию населения (слишком поздно). Попутно я попрощался со своим деверем, владельцем садоводческого хозяйства Фрицем Мейером (Fritz Meyer) и его семьёй, которые как раз собирались уезжать.

Грязно-белый танк типа “Королевский Тигр” с грохотом занял позицию у белого фронтона здания молокозавода таким образом, что его орудие оказалось направлено в сторону шоссе на Грюнхейде (Grünheide, Калужское). К северу от посёлка мы оставили дорогу на Шиллен (Szillen, Schillen, Жилино) и взяли направление на восток к Штейнакеру (Ackmenischken, Steinacker, Ударное). Наш путь пересек обоз. Его сопровождал Франц Венгхёфер (Franz Wenghöfer) в штатском и с чемоданами. Он проводил обоз до шоссе, попрощался со своей дочерью Хильдегардой (ей тогда было 20 лет), которая возглавила обоз верхом на лошади, и вернулся к нам. В открытом поле стоял брошенный немецкий самолёт-разведчик, совершивший вынужденную посадку из-за нехватки горючего. В Штейнакере к нам присоединился Ганс Коринт (Hans Korint), угостив нас свежим молоком, надоенным накануне вечером и которое он так и не смог утром доставить на молокозавод. В саду Фрица Форстройтера (Fritz Forstreuter) стояла лёгкая пушка, возле которой возился юный артиллерист. На мой вопрос, где его командир, он ответил: “Таких больше нет!”

После того как рассеялся туман сразу появились русские самолёты. Первая группа из 30 машин сбросила свою бомбовую нагрузку на Ауловёнен. К счастью они угодили в берег ручья Усцуп (Аула, ныне река Луговая) между постоянным двором Гётца (Götz) и земельным участком ветеринара Якеля (Jäckel) (это впоследствии подтвердил мне доктор Эфа (Dr. Paul Epha), который успел покинуть это место на своей машине во время налёта). Как только эта группа самолётов

сбросила бомбы и улетела, появилась следующая. Так продолжалось до самого вечера. Армейские подразделения использовали шоссе Грюнхейде-Ауловёнен в качестве пути для отхода. Для их прикрытия в 2 километрах к северу, в господском амбаре Шрубена (Schruben, Озёрное), было поставлено лёгкое орудие в конной упряжи, а второе ещё в 2 километрах дальше к северу (как уже упоминалось в Штейнакере). Оба были без защиты пехоты.

В 9 часов стоматолог Квидор (Heinrich Kwidor) на ветряной мельнице Оссафюрта обрисовал нам ситуацию, сложившуюся в непосредственной близости, к югу от шоссе на Шиллен. К северу от дороги находилась группа Мекшрата. А вот слева и справа не было никакой связи с какими-либо другими подразделениями. Стояла великолепная зимняя погода – трескучий мороз и ясное солнце.

Около 11 часов внезапно прогремел пушечный выстрел из амбара Шрубена. Господский амбар Эмера (Ehmer) в Швиннене (Schwinnen, ныне не существует) загорелся. Из Швиннена ответила русская пушка. Амбар Пукиеса (Pukies) в Шрубене тоже загорелся. Постепенно пожар распространился на соседние постройки. Беглый огонь артиллерии можно было слышать из окрестностей Грюнхейде. Наш группенфюрер Квидор выломал доску в крыше мельницы и рассказывал о своих наблюдениях.

Примерно в 12 часов: “Русский танк медленно движется по дороге из Швиннена в сторону школы Биркенхофа (Birkenhof, ныне не существует), ведя беспорядочный огонь по посёлку и усадьбе. Танк остановился за 100 метров и наблюдает!”

13 часов: “Русский танк едет полевой дорогой от школы Биркенхофа в сторону усадьбы Ганса Регге (Hans Regge). Судя по всему, у него закончились боеприпасы и его сменил другой танк”.

14 часов: “Соетский танк доехал до Шпитцинна (Spitzinn) (заросшие лесом холмы) и открыл огонь по Ауловёнену. Кирха горит!” – как только рассеялся дым, он сообщил: “Кирха не пострадала. Дом Раутенберга (Rautenberg) в огне!” Четыре снаряда, выпущенные по нашей ветряной мельнице не достигли своей цели. Лишь несколько осколков прогремели по доскам. Квидору, таким образом, они не помешали и он сообщал дальше: “Второй танк из Швиннена движется к нам. Он посередине Милшлаукена! (Milschlaucken)” И тут артиллерист из Штейнакера выстрелил по нему. Стоявший рядом с танком амбар, с хранившимися в нём боеприпасами, разнесло мощным взрывом. Огромный пожар захлестнул всю деревню. Танк исчез, а ожидаемая главная атака противника всё не начиналась. Возможно русские посчитали, что дорога здесь заминирована. Мы гадали, какой счастливый случай направил снаряд в склад боеприпасов? Юный 18-ти летний артиллерист, пожалуй, тоже этого не знал.

15 часов: “Вражеские танки достигли Бамбуллуса (Bambullus) (холм, который в древние времена внушал страх своим привидением) и находятся в гравийном карьере, откуда обстреливают Ауловёнен, а также улицы и дворы к западу от него. Пожары вспыхивают повсюду, словно грибы из-под земли”. Позже я узнал, что большая часть основных советских войск из Грюнхейде возле Линденхое (Lindenhöhe) отклонились от шоссе на юг и через Гросс Варкау (Gross Warkau, Шишкино) двинулись на Инстербург. В это время части танковой дивизии “Герман Геринг” находились на марше в 20 километрах на шоссе Инстербург-Ауловёнен. Лишь на вторую ночь русские у Неттинена (Nettinen, Красная Горка) перешли по льду Инстер и Ангерапп, а затем со стороны поместья Брандесов (Альтхоф) проникли в Инстербург. Наша добрая старая дорога в Инстербург превратилась в арену хаоса из заторов обозного транспорта, стад скота, воздушных боёв с горящими сбитыми самолётами, и штурмовки выходящих, между тем, на позиции

немецких танков. В тот момент я и понятия не имел, что моя жена и дочь находились посреди всего этого и были спасены только благодаря решительным действиям французского военнопленного, унтер-офицера Луи Бонфанду (Louis Bonfandau), чей рост был всего 1,55 м.

16 часов: К нашей мельнице подъехал “Королевский Тигр”, приехавший со стороны Йеннена (Jennen, Подлесное). Вылезший из танка лейтенант удивлённо спросил: “Что вы здесь до сих пор делаете? Русские вас давно обошли и взяли Ауленбах. Давайте, уходите побыстрее отсюда. В северном направлении, в сторону поместья Кермушиенен (Kermuschienen) около 2 километров по полю. Идите рассеявшись, на расстоянии 100 шагов, используя любые укрытия”. Мы немедленно двинулись в путь. Я расслышал как водитель танка сообщил лейтенанту: “Вражеские танки по Кройцингенскому (Kreuzingen, Gross Skaisgirren, Большаково) шоссе достигли Йеннена!”

17 часов: Все собрались в Кермушиенене, включая “Королевский Тигр”. Офицер рассказал нам правила поведения на марше. В темноте мы должны были по-отдельности пересечь шоссе в промежутках между танками противника, а затем смотреть в оба глаза, поскольку он не знал, насколько далеко русские продвинулись на запад. Сам он хотел вернуться на север. В любом случае мы должны были добраться до главного пункта сбора в Кёнигсберге. Уже ярко полыхал Кройцинген. Паугстат и я пошли в Скардупёнен (Skardupönen, Klingen), что находился в 3 километрах (к западу). Он решил отправиться на свою ферму, которая находилась возле шоссе, чтобы взять там конную повозку. Я же остался наблюдать за дорогой. Советские танки приближались. В темноте мы потерялись. Я тщетно пытался найти своего приятеля, но не мог кричать из-за близости врага и посему решил идти по дороге на Кёнигсберг. Самый трудный шаг, это покинуть свой горящий дом. Я постоянно оглядывался. Периодически снаряды падали на Каллвишкен (Kallwischken, Hengstenberg), Штреудорф, Танненфельде, Вальдфриден и Буххоф. Постепенно артиллерийская канонада стихла. Лишь языки пламени продолжали лизать горизонт.

Эрнст Крюгер. Родился 18.10.1890 в Гросс Варкау. Женится в 1920 году в Эрнствальде, район Инстербург.

